

Е.В. ПИНЮГИНА

**ЛЕГИТИМАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ
СООБЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ ШВЕЙЦАРСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ***

Мусульманское население Швейцарии насчитывает около 440 тыс. человек, что составляет 6% всего населения. Основная масса (до 90%) по происхождению – представители мусульманских регионов бывшей Югославии (в основном, беженцы из Боснии и Косова), а также турецкие иммигранты, приехавшие в 1970-х годах на основе межгосударственных соглашений о привлечении иностранной трудовой силы. В начале первого десятилетия XXI в. лишь 12% мусульман, проживающих в Швейцарии, имели гражданство. В стране функционируют около 200 мечетей и существуют около 30 мусульманских организаций, в основном действующих как объединения единоверцев одной этнической группы или выходцев из одного региона / страны [данные приведены по: Muslii, 2010]. Основные конфессиональные группы – сунниты (75%), шииты (7%) и алавиты.

В русле общеевропейской тенденции швейцарские мусульманские сообщества ведут борьбу за институционализацию ислама в публично-правовом пространстве. Как и повсюду, она модифицируется особенностями политической системы принимающих стран. Для Швейцарии – это высокий уровень развития институтов федерализма, консоциативности и прямой демократии. В этом контексте представляется целесообразным провести анализ инте-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-03-00284 «Мусульмане в современной Европе: проблемы и перспективы политической интеграции».

грационных процессов на трех уровнях. Это регулирование отношений государства и религиозных сообществ на уровне кантонов; роль институтов прямой демократии – всенародного референдума и народной инициативы; легитимация мусульман в рамках государственной политики на федеральном уровне.

Регулирование отношений государства и религиозных сообществ на уровне кантонов: Многообразие стандартов

С точки зрения легитимации мусульманских организаций наиболее проблемной особенностью швейцарской политической системы является передача государством всех полномочий в области регулирования религиозных сообществ в компетенцию кантонов. В Конституции определены только основные права и принципы, которыми должны руководствоваться все акторы – и кантоны, и религиозные объединения. Таким образом, действия кантонов в этой сфере ограничены только собственным законодательством и не являются временными административными мерами, зависимыми от религиозной политики. Есть и другая специфика, еще более осложняющая легитимацию исламских структур: в Швейцарии царит многообразие форм организации отношений кантонов с религиозными сообществами, определяемое политикой кантона в этом вопросе и сложившейся практикой. Законодательно эти отношения могут определяться либо статьями конституции кантона, либо специальными законами. Национальное законодательство предписывает только соблюдение прав и свобод верующих, а принятые страной обязательства в рамках международного права таковы, что если религиозная политика кантонов в целом соответствуют формулировке «невраждебная», то она им удовлетворяет. Для соответствия этим требованиям важна возможность для религиозных групп создавать независимые религиозные организации с внутренним уставом, что вполне реализуемо в рамках региональных правовых систем. На практике в швейцарских кантонах более распространено партнерство власти и религиозных сообществ, чем последовательный нейтралитет или враждебность. Естественно, партнерство возможно только с легитимными религиозными сообществами.

Существуют институты, определяющие условия и возможности такого партнерства. Первый из них – это *«общественное признание»*. Почти во всех кантонах им обладают все реформатские и католические церкви, что подчеркивает их значимость для общества. Даже там, где, как в кантонах Женева (Генф) и Невшатель (Нойенбург), отсутствует институт *«общественно признанных»* религиозных организаций и церкви существуют лишь в качестве частных юридических лиц, законом указано, что их деятельность лежит в сфере общественных интересов.

В остальных кантонах религиозные сообщества имеют больше возможностей присутствовать в публично-правовом поле, при наличии статуса *«общественно-правомочных»*. Он применяется к христианским церквям в большинстве кантонов, а к иудейским сообществам – в кантонах Базель-Штадт, Берн, Фрибур, Сент-Галлен, Ваадт (Во). Именно наличие такого статуса является спецификой религиозного права Швейцарии, поскольку он подразумевает обязанность кантонов делиться суверенитетом не только с *«общественно признанными»*, но и с общественно-правомочными, а значит, государственно уполномоченными организациями [Haffner, Gremmelspacher, 2005]. Практическое следствие такой частичной передачи государством своих полномочий – право религиозных союзов взимать с верующих налоги. Именно поэтому статус *«общественно-правомочных»* является целью мусульманских сообществ Швейцарии, а точнее – представляющих их интересов организаций. Однако наличие или отсутствие этого статуса формально не нарушает прав свободы вероисповедания и равенства религий, поскольку нет законодательно обусловленного права всех религиозных сообществ получить такой статус.

Тесная связь или, наоборот, слабое взаимодействие государства и религиозных объединений в рамках таких институтов, как *«общественное признание»* и *«общественная правомочность»*, варьируются от кантона к кантону. Традиции в основном определяются *«конфессиональным»* составом населения. Например, Берн и Цюрих, как исторически связанные с процессами Реформации, являются примерами тесного взаимодействия государства с церквями и ближе к модели так называемой *«государственной церкви»*. В основе этой традиции лежит теологическая доктрина двух лидеров швейцарской Реформации. Первый – Ульрих Цвингли, проповедовавший в этом регионе и утверждавший право христианской

общины самостоятельно управлять делами церкви и страны. Вторым лидером, Жаном Кальвином, в свое время учредил консисторию – высший орган управления церковью и светской властью. Неудивительно, что реформатские церкви этих кантонов особо выделены в законах, и наиболее важные элементы организационного характера их деятельности также регулируются законодательно. Политические права, порядок финансирования и административные принципы католических и реформатских церквей Цюриха определены в специальных законах о церкви.

В Женеве и Невшателе, которые претерпели влияние наполеоновской оккупации 1798–1813 гг., принесшей с собой секулярные установки французской революции, напротив, в правовой сфере вообще не предусмотрено предписаний и условий функционирования церквей. Там последовательно проводится политика разделения церкви и государства. Религиозные сообщества организуются на основе частного права и не могут взимать налоги, но могут собирать добровольные членские взносы и принимать пожертвования. Тем не менее государство финансирует соответствующие теологические факультеты в университетах этих кантонов. Оно рассчитывает размер добровольного взноса (как необязательного к уплате налога) для приверженцев трех общественно признанных церквей, указавших свою религиозную принадлежность в обычной налоговой декларации, и посылает им уведомления. Если взнос уплачивается, он перечисляется соответствующей церкви.

В преимущественно католических кантонах государство практически устраняется от организационных предписаний и такой административной помощи, как финансирование теологических факультетов или расчет и рассылка уведомлений о добровольном взносе. Это связано с тем, что Римско-католическая церковь (РКЦ) имеет собственную мощную организационную структуру мирового масштаба.

В кантонах с паритетом католического и евангелического населения выработаны единообразные организационные предписания, в рамках которых сообщества могут автономно организовать свою деятельность.

Кантон Базель-Штадт осуществляет минимальный контроль за делами религиозных объединений, что выражено в том числе в специфической форме принудительного переноса принципов прямой демократии на управление религиозным объединением. Закон

здесь предусматривает право членов религиозного сообщества голосовать за изменения внутреннего устава или конституции своего союза или церкви и обязанность представлять проект принятых большинством голосов изменений на утверждение правительства кантона с целью проверки на соответствие законодательству государства или кантона. Налоги церковь в кантоне собирает сама, без помощи и участия государства. В отличие от почти всех остальных кантонов, юридические лица здесь освобождены от уплаты церковного налога. Выплаты из бюджета на осуществление церковных мероприятий и собственных богослужений запрещены законодательно, с оговоркой, что оплачиваться могут лишь богослужения в общественных заведениях (дома престарелых, больницы, тюрьмы, приюты, центры для запросивших убежище).

В Цюрихе, однако, взимается не только налог на церковь с юридических лиц, но и исторически предусмотрена статья бюджета на поддержку церковной деятельности, в том числе оплату труда священников и пресвитеров, занимающихся богослужениями и проповедничеством. Бюджет формируется из отчислений всех граждан кантона, и значит, часть налогоплательщиков, будучи еще и сотрудниками различных компаний, волей-неволей в двойном объеме финансируют активность той церкви, к которой, возможно, не принадлежат, являясь атеистами или приверженцами других конфессий и религий.

Вопреки стереотипам об исламофобии как основной причине трудностей с получением мусульманскими организациями статуса, уравнивающего их с представителями христианских (и зачастую иудейских) объединений в других европейских странах, в Швейцарии похожие трудности испытывают не только мусульманские, но и другие религиозные сообщества, не имеющие «внутринационального» происхождения.

Хорошим примером, доказывающим не антиисламскую природу швейцарской религиозной политики, а ее своеобразие, является ситуация с Римско-католической церковью, правовое и административное положение которой в Швейцарии не имеет аналогов в мире. Даже в собственных официальных публикациях РКЦ отмечает «особый случай Швейцарии» [Die Strukturen..., 2008]. Будучи всемирной организацией, обладающей уставом и жесткой иерархической структурой, она, естественно, не испытывает желания подчиняться предписаниям или закону кантона о том, что

приходской священник должен не назначаться «сверху», а избираться большинством голосов, но при этом заинтересована получить возможное лишь при наличии статуса общественно-правомочной религиозной организации право сбора налогов. Однако поскольку решающее значение в легитимации имеет предписание кантона, католической церкви приходится идти на компромисс, известный как «дуальная структура управления»: при наличии иерархического подчинения приходского священника епископу, а через него – Папе Римскому существует его подотчетность руководству прихода, состоящему из мирян-прихожан. Это порождает немало внутренних конфликтов. Так, необходимо согласовывать с членами религиозного сообщества – в данном случае в лице прихожан конкретного храма – кандидатуры священников-настоятелей прихода, подтверждая их легитимность регулярными перевыборами. Порой встречается нежелание общины продолжать иметь настоятелем лицо, которое вполне устраивает епархию, и наоборот. Без утверждения прихожан также невозможно и распределение священником налоговых поступлений. Но епархиальное начальство может считать целесообразным, например, увеличение расходов на молодежную политику, а приходской комитет, имеющий приоритет в финансовом администрировании, – починку крыши храма.

Для приведения церковной жизни в соответствие с представлениями светской власти о демократии в ряде кантонов Швейцарии учреждена особая форма государственно-церковных отношений [Loretan, 2011, S. 22]. Эта форма называется *Landeskirche* («земельная церковь»), указывая на принадлежность данной структуры в первую очередь этому кантону. Таков максимально высокий статус, которым кантон вправе наделить религиозное общественно-правомочное сообщество, включая местное представительство католической церкви. Кантон позволяет ей, как и реформатской Земельной церкви, собирать налоги, но взамен требует от нее обеспечить демократическое участие в их распределении всеми членами данного религиозного сообщества, как это принято в реформатских церквях. Другие организации – в том числе и мусульманские – в принципе могут интегрироваться в эту систему, но они должны обеспечить прозрачность финансирования и демократическое участие всех членов в ее управлении, включая выборность лидера и распределение бюджета.

Легче всего католической церкви вести свою деятельность в преимущественно католических кантонах, таких как Фрибур (Фрайбург), Вале, Тичино (Тессин). Тем не менее Федеральная конституция везде требует от религиозных сообществ организации и деятельности на основе демократических правовых принципов [Haffner, Gremmelspacher, 2005]. Она защищает членов религиозных сообществ при нарушении их базовых прав и свобод своим же религиозным сообществом, пусть и имеющим общественно-правомочный статус в кантоне. Федеральное законодательство также предоставляет верующим право участвовать в обсуждении системы распределения взимаемых с них сообществом налогов. Но право решать, насколько соответствует сообщество этим принципам, и наделять ли сообщество статусом общественно-правомочного союза, позволяющим взимать налоги, имеют только кантоны. Также кантоны определяют границы возможностей для сообществ пользоваться правом на самоопределение в некоторых щепетильных вопросах. Например, при организации сбора налогов кантон требует от церкви действовать согласно принципу защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни.

Важная для мусульман сфера религиозного обучения также определяется статусом религиозных организаций в кантонах. Конституция страны, в отличие от немецкой Конституции, не гарантирует детям религиозного обучения. Но на практике во всех кантонах оно осуществляется в форме введения школьно-общеобразовательного и / или церковного предмета, при этом в восьми кантонах – лишь как церковный предмет, и в 18 из 21 немецкоязычного кантона в начальной школе есть обязательное церковное обучение основам религии [Loretan, 2011]. В Женеве и Невшателе обязательное религиозное обучение по лаицистским мотивам исключено из учебных программ, но для желающих посещать церковный факультатив все равно предоставляются школьные помещения. После терактов 11 сентября 2001 г. и в этих кантонах обсуждалось, не стоит ли ввести соответствующий учебный курс для информирования детей об основах мировых религий, но осуществление проекта затянулось.

Итак, для мусульманских организаций важна не только легитимация сама по себе как повышение статуса ислама в швейцарском обществе, но и проистекающие из нее возможности, связанные с финансовыми выгодами (перераспределение общих налоговых поступлений, а также право взимать налог с верующих) и сохране-

нием их идентичности с одновременным «встраиванием» ее в новую швейцарскую реальность. В качестве примера можно сослаться на невозможное без легитимации финансирование уроков религиозного обучения детей-мусульман на местном (немецком или французском) языке в государственных школах из бюджета кантона. Часть кантонов постепенно идет навстречу пожеланиям родителей-мусульман. Так, в школах кантонов Люцерн и Тургау с заметным числом детей из таких семей начинают вводить пробные курсы основ ислама, иногда с частичным государственным финансированием. Но в этом вопросе, как и во многих других, федеральная власть не может требовать от кантонов предоставления абсолютно одинакового правового статуса всем религиозным сообществам, поскольку это право не гарантируется им конституцией. Де-факто в большинстве кантонов паритетными правами наделены две крупнейшие христианские церкви данного кантона, а во многих кантонах (Базель-Штадт, Берн, Фрибур, Сент-Галлен, Во и др.) равные права есть у иудейских сообществ.

Открытым и актуальным для мусульман является вопрос, обязаны ли кантоны предоставить такие же права новым для себя религиозным сообществам. Ни из законов страны, ни из европейских конвенций, ратифицированных Швейцарией, не следует, что кантоны обязаны предоставлять всем желающим религиозным группам общественно-правомочный статус [Haffner, Gremmelspacher, 2005]. В кантоне Базель-Штадт даже существует заведомо дискриминационная оговорка, что получить такой статус могут только религиозные объединения в рамках христианской или иудейской религиозной традиции. Это очевидное нарушение антидискриминационных законов, но сама по себе сложившаяся ситуация дискриминацией не считается. Если со стороны религиозного объединения возникают претензии по поводу неравного отношения, они должны быть обоснованы существенными, не связанными с религиозной доктриной причинами.

Благодаря активности мусульманских лидеров в Швейцарии ситуацию с признанием религиозных сообществ сравнивают с процедурой предоставления кантонами гражданства, где также есть поле пересечения автономных прав кантона и положений о защите от дискриминации. Но такие «поля пересечения» возникают не только в сфере религиозной политики. Так, Федеральное собрание Швейцарии в 1958 г. постановило предоставить избирательное

право женщинам, но всенародный референдум 1959 г., проведенный по этому вопросу в соответствии с Конституцией, не позволил осуществить эту антидискриминационную меру. Однако на уровне общин и кантонов женщины постепенно получали в последовавшие годы не только активное, но и пассивное избирательное право – правда, лишь для участия в выборах местного и регионального уровней. Следующий национальный референдум 1971 г. по этому вопросу привел к пересмотру избирательного законодательства в пользу полного равноправия женщин, но нашлись несогласные на уровне кантонов: католический кантон Аппенцель-Иннерроден широко известен тем, что лишь в 1991 г. был принужден под давлением федеральной власти ввести в избирательное законодательство право избирать и быть избранным для женщин.

Прямая демократия: Народные инициативы против ислама и не только

В предыдущем разделе было упомянуто, что не только широкие полномочия кантонов, но и национальные институты прямой демократии – такие как референдум и народная инициатива – могут способствовать возникновению дискриминации, которая задевает мусульманские сообщества. Швейцария – одна из немногих стран мира, где эти институты оказывают реальное влияние на государственную политику, порой в ущерб внешнеполитическим интересам. Наиболее резонансной стала антиисламская инициатива правой Швейцарской народной партии, собравшей необходимое число подписей для инициирования всенародного референдума о запрете строительства минаретов на территории Швейцарии (к моменту референдума в стране было четыре мечети с минаретами, что составляет незначительный процент от 200 имеющихся). Проведенный в конце 2009 г. референдум привел к принятию этого закона вопреки мнению федеральных политиков и давлению мировой общественности. Против его принятия высказывались и представители христианских церквей – протестантских и католической.

Между тем подобные резонансные прецеденты волеизъявления большинства, нарушающего принцип равного отношения ко всем религиозным сообществам, в истории Швейцарии случались и ранее. Достаточно привести два примера: один – имеющий отношение к исламу и иудаизму, другой – к Римско-католической

церкви. В первом случае речь шла о запрете ритуального забоя скота в соответствии с мусульманскими и иудейскими религиозными нормами. В 1888 г. бундесрат (правительство) на государственном уровне вынес решение о недопустимости принятия кантонами предписаний, запрещающих такой забой, поскольку он нарушает свободу отправления культа. Однако в 1893 г. в результате успеха народной инициативы и проведения общенационального референдума запрет ритуального забоя скота был внесен в Конституцию (ст. 25). Он не привлекает к себе внимания общественности как дискриминационный лишь постольку, поскольку с 1981 г. трансформировался в закон о защите животных (Loretan, S. 8).

Второй не менее интересный прецедент – запрет в Швейцарии ордена иезуитов, сначала закрепленный в Конституции 1848 г. лишь как запрет на деятельность организации, а впоследствии, в 1874 г., распространенный и на персональную профессиональную деятельность в государстве и церкви для любого из его членов. Лишь в ходе референдума 1973 г. этот запрет был отменен, и деятельность ордена на территории страны стала возможной [Evans, 1999, p. 234]. Мотивацией для запрета в том числе был милитаристский характер доктрины ордена, несовместимый, с точки зрения швейцарцев, с либеральными и гуманистическими принципами.

Возможности прямой демократии тем не менее не безграничны. В 2012 г. в кантоне Тургау разгорелись дебаты на тему запрещения использования Корана как учебного пособия на уроках ислама и прекращении самих уроков. Около 4,5 тыс. человек из 248 тыс. населения кантона подписались под народной инициативой «против женоненавистнического расистского убийственного учебника» [Grosser., 2012]. Совет кантона 75 голосами против 40 отверг эту инициативу, воспрепятствовав ее вынесению на референдум. Конечно, сам факт ее выдвижения показывает наличие соответствующих настроений в обществе, в подогревании которых заинтересованы радикалы. За непринятие инициативы как повода для очередного провокационного референдума голосовали даже лидеры правой Швейцарской народной партии (ШНП), хотя некоторые ее радикальные члены и вошли в межфракционный комитет, обеспечивший сбор подписей в поддержку инициативы. В газетах встречается версия, что главной целью провокации была не дискредитация Корана и ислама как религии, а прекращение религиозного обучения исламу в государственных школах кантона, которое

рассматривается радикалами как одна из форм многочисленных социальных издержек на интеграцию бесполезных, с их точки зрения, безработных иммигрантов. Трезвомыслящие депутаты от ШНП, проголосовавшие «против», указывали, что в тексте Библии тоже можно найти агрессивные пассажи. Новость об аннулировании народной инициативы имела своеобразное значение не только для мусульман: это первый случай в истории кантона, когда Совет (парламент) кантона отверг какую-либо народную инициативу. Таким образом, принцип религиозной свободы был поставлен выше принципа прямой демократии.

Развитие событий вокруг темы запрета на ношение мусульманками в общественных местах бурки или чадры, муссировавшейся правыми в Швейцарии после введения аналогичных запретов Францией и Бельгией, показывает, что такая позиция в отношении мусульман – не случайность, а тенденция. В конце 2012 г. Национальный совет (нижняя палата) отклонил парламентскую инициативу, внесенную кантоном Аргау, о рассмотрении мер по запрету мусульманской бурки, как и любых масок, скрывающих лицо (в проекте пояснялось, что также имеются в виду маски грабителей, вандалов и политических экстремистов) [NationalRat., 2012]. Нельзя сказать, что решение отклонить проект вынесено подавляющим большинством голосов («за» – 93, «против», т.е. скорее за запрет бурки, – 87 депутатов). Известно и о начале кампании по сбору подписей сторонников общенационального референдума по этому вопросу. Это значит, что вскоре парламенту придется вернуться к этому вопросу, хотя правительство заранее советует ему отклонить и эту инициативу [Grosser Rat., 2012].

Легитимация мусульман в рамках государственной политики на федеральном уровне

Помимо кантонов, определяющих правовой статус и возможности мусульманских сообществ, и рядовых граждан, выражающих свою настороженность по поводу их места в обществе посредством инициатив и референдумов, существует еще один актор, способный в некоторой степени влиять на ситуацию в данном вопросе, – федеральное правительство. Объективно оно экономически и политически заинтересовано в интеграции мусульман и взвешенной религиозной политике, но не может отменить прин-

ципы, исходя из которых кантоны принимают в том числе и дискриминационные с точки зрения мусульман решения. Федеральные политики полагают при этом возможным для мусульман постепенно адаптироваться к структурным требованиям и добиваться организации религиозных объединений цивилизованными средствами, сохраняя культурную инаковость (Bundesamt., 2012). Со стороны государства и общества это означает поддержку мусульманского сообщества на местах даже при отсутствии у него общественно признанного или общественно правомочного статуса. Конкретные формы такой поддержки уже есть, и они осуществляются на уровне местных сообществ: это предоставление свободных дней школьникам и работающим в дни мусульманских праздников, по возможности укороченный день для мусульман в пятницу, создание условий для религиозного обучения в школах.

Государство изыскивает средства и способы поддержать долевым участием строительство культовых сооружений для формально не признанных сообществ (мусульман, православных), равно как обеспечить их землей и административно-финансовой поддержкой для создания культурных центров, культовых сооружений, собственных кладбищ. Порой при содействии правительства изменяются санитарные нормы кантонов для погребения мусульман в соответствии с традицией. Если в начале XXI в. вопрос об отдельных кладбищах был для националистов таким же жупелом, как строительство минаретов, то в последние пять лет, судя по сводке новостей мусульманских сайтов страны, кладбища открываются во множестве населенных пунктов [News..., б. г.]. Но остаются не решаемые пока на федеральном уровне вопросы, в том числе: можно ли допустить ношение религиозной одежды (как минимум головного платка) мусульманками, если они преподают в религиозно нейтральной государственной школе или в школе, где на стенах присутствуют христианские символы – распятия, а на одежде других служащих – кресты? На практике некоторые кантоны допускают мусульманскую женскую одежду для ряда служащих государственных учреждений (но не образовательных).

Государство, согласно швейцарской Конституции, призвано гарантировать основные права, но их трактовка в контексте регулирования деятельности религиозных сообществ может различаться в зависимости от приоритета: свободы личности или равенства возможностей для религиозных сообществ, внутренней автономии

или прозрачной структуры и демократичного управления с участием всех его членов. Религиозный плюрализм кантонов и возрастающее культурное многообразие Швейцарии, а также наличие доктрины основных прав создают множество конфликтных ситуаций с участием индивидов и организаций, когда для государства единственным возможным инструментом урегулирования становится право. Единая система правовых норм и общее признание ценности мирного сосуществования остается единственным универсальным регулятором, удерживающим чрезвычайно разнородное конфессионально и этнически швейцарское общество от распада на противоборствующие группировки. Тем не менее в Швейцарии есть мусульманские организации, выступающие за правовую автономию, – для начала в бракоразводных делах, которые им хотелось бы рассматривать в шариатских судах, как это последние пять лет происходит в Великобритании, или с учетом традиций мусульманского права, как это уже много лет имеет место в гражданских судах Германии, принимающих во внимание многоженство и исламские законы наследования и раздела имущества, если браки официально заключались по законам мусульманской страны до приезда фигурантов процесса на территорию Германии, где такие браки запрещены. Подобные широкие взгляды на нормативный плюрализм правительством и парламентом Швейцарии пока не приветствуются. С другой стороны, государству надо учитывать, что в Европе законодательство в отношении религии развивалось именно в русле взаимоотношений государства и церкви, что не позволяет считать его достаточным в условиях появления ислама в публично-правовом пространстве. Но процесс адаптации не может быть односторонним. Религиозные сообщества, привыкшие существовать в условиях традиционного мусульманского социума, в новых условиях должны пересмотреть и четко сформулировать богословскую концепцию для своих адептов, чтобы определить их отношение к либеральному государству, секулярному обществу, другим религиозным группам и собственным членам, особенно касательно равноправия полов и права на выход из общины или переход в другое сообщество. Для католической церкви камнем преткновения для такого богословского «перезаформулирования» в соответствии с заданной швейцарским правительством повесткой дня стал вопрос о женском равноправии применительно к священству. Пока на этом направлении ус-

тупок нет – безуспешно обсуждается возрождение существовавшего в первые века христианства института диаконисс, уравнивающего мужчин и женщин в возможности получить низший церковный сан (кстати, в современном дискурсе православной церкви, где периодически возникает схожая тематика, институт диаконисс порой рассматривается как компромиссный вариант). Пример с католиками очень показателен: религиозное сообщество, невзирая на гарантированное Конституцией Швейцарии равенство мужчин и женщин, остается правомочной организацией, официально придерживающейся принципа неравноправия. В связи с этим перед государством возникает вопрос, имеющий высокую общественную значимость: как на практике добиться от религиозных сообществ соблюдения основных прав, в том числе равноправия полов?

Федеральная власть действует в интересах швейцарских мусульман не только в обеспечении их религиозных потребностей в условиях верховенства законодательства кантонов или защиты чувств верующих от инициированных правыми политиками народных инициатив под эгидой прямой демократии. За рамками темы, рассматриваемой в данной статье, осталась еще одна сторона швейцарской системы прямой демократии, касающаяся не столько легитимации мусульманских организаций или практик, сколько легитимации самих мусульман – а именно предоставления гражданства. Сложившаяся трехступенчатая система базируется на принятии соискателя сначала в гражданство общины (коммуны), потом в гражданство кантона и только потом – в гражданство страны как утверждение решения, принятого фактически соседями соискателя, его общиной (иногда голосованием всех членов коммуны, иногда ее выборным руководством). Ключевыми критериями для положительного решения соседей являются продолжительность проживания и поведение соискателя, который таким образом должен заслужить их доверие. Однако в последние десятилетия участились случаи отказа коммун принимать в гражданство соискателей по причине некоренной национальности. Эта ситуация увеличивает риски маргинализации мусульман, которые остаются в статусе иностранцев.

Швейцарцы не одобрили на всенародном референдуме присоединение к Конвенции Совета Европы о гражданстве 1997 г., которая требует исключить возможность дискриминации по национальному признаку и обеспечить возможность обжалования

отказа предоставления гражданства (Новицкий, 2011, с. 4). Для борьбы с ксенофобией и дискриминацией на местах правительство Швейцарии создало рабочую группу по внесению в законодательство изменений, позволяющих обжаловать необоснованные и откровенно дискриминационные отказы в предоставлении гражданства.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить исключительно своеобразную и в то же время продуктивную, последовательную и принципиальную политику швейцарского государства в сфере регулирования деятельности религиозных объединений и интеграции мусульман в швейцарское общество. Государство предъявляет одинаковые требования ко всем религиозным объединениям, и первое из них – демократичность. Проблема в том, что любое религиозное сообщество независимо от доктрины в силу своей природы способно злоупотреблять правами и интересами своих членов. Этим и объясняются сложности с легитимацией мусульманских сообществ: далеко не все швейцарские мусульманские организации, которые претендуют на представительство интересов единоверцев, рассматриваются большинством мусульман в качестве легитимных представителей. Многие мусульмане, как и последователи других религий, ориентируются на конкретного имама соседней мечети. Возможно, идея создания мусульманской версии проверенной во многих кантонах системы *Landeskirche* не лишена смысла. Тем более что заявления активистов мусульманских организаций о созыве мусульманского парламента Швейцарии или создании Швейцарской мусульманской общенациональной партии («*Umma Schweiz*»..., 2012) пока не встретили массовой поддержки своих потенциальных избирателей и далеки от воплощения.

В отношении запросов мусульман как членов общества, а не только религиозной общины, государство и население демонстрируют гибкость, свидетельствующую о постепенном понимании необходимости предоставить им условия для сохранения религиозной идентичности. Правительство проявляет внимание к мусульманским активистам, разъясняя, что интеграция ислама в сложившиеся системы государственно-конфессиональных отношений кантонов будет происходить не через «революцию сверху», а постепенно, снизу, по аналогии с предоставлением гражданства, и

требовать завоевания доверия местного немусульманского населения. Иногда в публичных выступлениях делается акцент на отсутствие у Швейцарии колониального прошлого в мусульманских странах, что должно снизить компенсаторные ожидания мусульманских иммигрантов. Как известно, в общественно-политическом дискурсе Франции и Великобритании присутствует тема моральных обязательств общества взять на себя многие издержки интеграции жителей бывших колоний, поскольку их предки в Африке и Азии участвовали в создании национального богатства этих стран наравне с коренным населением.

Когда случаются неизбежные при столкновении культур конфликты, важно оценить, что в действительности является предметом дискуссии. Как показал закон о минаретах, общественное напряжение не перерастает в беспорядки, когда в фокусе внимания атрибуты. А минареты, действительно, не более чем атрибуты, которые имеют в современной Европе политико-символическую, а не смысловую нагрузку (минарет – символ присутствия ислама, но не содержания его вероучения) и не являются функционально незаменимыми для обеспечения религиозных нужд (в наш век узнать время молитвы можно по наручным часам и с помощью мобильного телефона, а найти любой объект несложно, используя средства навигации).

При необходимости защиты верующих и религиозных чувств в швейцарской политике побеждают здравый смысл и толерантность, даже если государству и обществу приходится корректировать отношение к политическим основам и ценностям, как это произошло с прямой демократией и народными инициативами, оскорбляющими Коран или приравнивающими элементы женской одежды мусульманок к маскам хулиганов.

Литература

Новицкий В. Гражданство Швейцарской Конфедерации и проблемы реализации политических прав // Финансово-правовое агентство. – 2011. – Режим доступа: <http://www.fpa.su/problems-konstitutsionnogo-prava-zarubezhnyh-stran/grazhdanstvo-shveysarskoy-konfederatsii-i-problemy-realizatsii-politicheskikh-prav-v-m-novitskiy.html> (Дата посещения: 12.12.2013.)

- Bundesamt für Migration: Dialog mit Muslimen soll regional und lokal geführt werden. – 26.11.2012. – Mode of access: <http://www.news.admin.ch/message/index.html?lang=de&msg-id=46856> (Дата посещения: 12.12.2013.)
- Die Strukturen der Römisch-katholischen Kirche in der Schweiz. – 2008. – Mode of access: <http://www.rkz.ch/index.php?na=5,0,0,0,d&pw=k76m> (Дата посещения: 17.12.2012.)
- Evans E.L.* The cross and the ballot: Catholic political parties in Germany, Switzerland, Austria, Belgium and The Netherlands, 1785–1985. – Boston: Brill (Humanities press), 1999. – 301 p.
- Grosser Rat erklärt Anti-Koran-Initiative für ungültig // Tagblatt Online. – 2012. – 19 Dezember. – Mode of access: <http://www.tagblatt.ch/ostschweiz/thurgau/kantonthurgau/tz-tg/Grosser-Rat-erklaert-Anti-Koran-Initiative-fuer-ungueltig;art123841,3242101> (Дата посещения: 09.01.2013.)
- Haffner F., Gremmelspacher G.* Beziehungen zwischen Staaten und Religionsgemeinschaften in der Schweiz // Menschenrechte konkret – Integration im Alltag / Buser D., Berger N., Hafner F., Mund C., Speiser B. (Hrsg.) – Basel: Helbling und Lichtenhahn, 2005. – S. 67–95.
- Nationalrat will kein Burkaverbot // Islam.ch. – 2012. – 28 September. – Mode of access: http://www.islam.ch/joomla/index.php?option=com_content&view=article&id=348:nationalrat-will-kein-burkaverbot&catid=1:news&Itemid=4 (Дата посещения: 15.01.2013.)
- News // Islam.ch. – Mode of access: http://www.islam.ch/joomla/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=1&Itemid=4 (Дата посещения: 09.01.2013.)
- Loretan A.* Staatliches Religionsverfassungsrecht. Religiöse Vielfalt und der Religionsfrieden // Unilu.ch. – 2011. – Mode of access: http://www.unilu.ch/files/scriptum_staetliches-religionsverfassungsrecht.pdf (Дата посещения: 10.12.2012.)
- Muslii F. Der Umgang mit Islam in der Schweiz // Vimentis. – 2010. – 29 april. – Mode of access: <http://www.vimentis.ch/d/publikation/182/der+umgang+mit+dem+islam+in+der+schweiz.html> (Дата посещения: 15.01.2013.)
- «Umma Schweiz» ist heiss umstritten // Tages Anzeiger. – 2012. – 11 Februar. – Mode of access: <http://www.tagesanzeiger.ch/schweiz/standard/Umma-Schweiz-ist-heiss-umstritten/story/18523618> (Дата посещения: 15.01.2013.)